

УДК 316.614
ББК 60.524.56
К 89

Е.С. Куква,

кандидат социологических наук, ученый секретарь НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета, тел. служ. (8772)593801, E-mail: kukva@rambler.ru

**Формирование российской национальной идентичности:
от дискурсивных к социальным практикам ***
(Рецензирована)

Аннотация: Статья посвящена проблеме формирования современной российской национальной идентичности. Этнокультурная и национальная идентичности рассматриваются как часть и целое, открытые друг другу. Практики, продуцируемые дискурсом нациестроительства на общегосударственном и региональном уровнях исследуются через некоторые аспекты государственной образовательной, культурной и медиаполитики.

Ключевые слова: российская национальная идентичность, этническая идентичность, этнокультурное разнообразие, дискурсивные практики, социальные практики.

Kukva E.S.

Candidate of Sociology, Scientific Secretary of Research Institute of Complex Problems, Adyghe State University, ph. (8772) 593801, E-mail: kukva@rambler.ru

**Formation of the Russian national identity:
from discursive to social practices**

Abstract: The paper discusses formation of Russian contemporary national identity. Ethnocultural and national identities are considered as a part and a whole, opened to each other. Practices produced by a discourse of national construction at nation-wide and regional levels are investigated through some aspects of state educational, cultural and media politics.

Keywords: the Russian national identity, ethnic identity, ethnocultural diversity, discursive practices, social practices.

Формулу, отвечающую современным представлениям о гражданской нации, предложил русский философ Г.П. Федотов: «Учет единокровного (здесь - этнического – прим. авт.) сопутствует расширению национального сознания и его тяготению к заботе об общем для всех нас доме» [1]. Такое понимание требует, чтобы этническое самосознание как можно полнее отражало и общие интересы страны. Должна быть общая, объединяющая для всех этносов, гуманистическая идея.

Положение о сложной структурированности национальной идентичности, лежащая в основе концепции многоуровневой идентичности, предлагаемой авторским коллективом, позволяет, в частности, утверждать, что ее современную конфигурацию составляют две наиболее значимые, крупные размерности: социокультурная и

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (Проект № 11-06-00098-а)

политическая [2]. Этнокультурная идентичность, представляемая как вариант социокультурной, участвует в формировании национальной идентичности. При этом рассматриваемые с позиций постнеклассической парадигмы как часть и целое, этнокультурная и российская идентичность видятся открытыми друг другу, симметричными во взаимной обусловленности. Такие характеристики становятся возможными при определенных обстоятельствах: когда этнокультурная идентичность находится в актуализированном состоянии и сопрягается с солидарностью, соединенной с толерантными установками и доверием власти [3]. Благоприятные социально-экономические условия и равный доступ населения к ресурсам способствуют процессу формирования российской нации. Еще одним значимым фактором становится отчетливо прослеживаемая государственная политика в этой области. Рассматривая ее как дискурсивные практики, легитимированные политикой и властью, согласимся с мнением О.Н. Астафьевой о том, что создание определенных социокультурных условий, институтов позволят распространить и использовать эти практики как социальные [4]. Анализу дискурсивных практик в сфере национальной идентичности посвящена данная статья.

По мнению экспертов, на рубеже 1990-2000-х гг. в стране начала артикулироваться важность управления этнокультурными различиями, противодействия «формам крайнего национализма и экстремизма», консолидации российского общества. Задача формирования общероссийской нации ставится в этот период в рамках политического дискурса в выступлениях президентов РФ В.В. Путина и Д.А. Медведева. «Наметилась линия на более определенную поддержку модели российской нации-согражданства». В связи с этим актуализировалась замена понятия «национальная политика» на «политику этнокультурную», или «политику в сфере межэтнических отношений», когда речь идет о политике в отношении народов России. В этом контексте «национальная политика» начинает пониматься как «политика обеспечения национальных интересов страны». Следует отметить, что задача сохранения этнокультурного многообразия на федеральном уровне формулируется не как самоцель, а как способ «интеграции граждан любой этнической принадлежности в общероссийское социально-экономическое и культурное пространство» [5]. Обстоятельный анализ использования идеи «общероссийской нации» в государственных документах этого периода осуществила Г.И. Зверева [6]. Исследователь полагает, что впервые идея коллективной российской идентичности - «многонациональный народ России» была высказана в Конституции в 1993 г. Текст «Концепции государственной национальной политики РФ» 1996 г. использует понятие «многонациональное государство». В роли гаранта устойчивости «многонационального государства» выступает русский народ, понимаемый как этническая общность, который «является опорой российской государственности». Как подчеркивается в тексте документа, «благодаря объединяющей роли русского народа на территории России сохранились уникальное единство и многообразие, духовная общность и союз различных народов»; от его «национального самочувствия» и учета его «потребностей и интересов» во многом зависит стабильность «межнациональных отношений» в российском государстве [7].

Следующим документом, отражавшим поиск и становление объединительной идеи, стал проект Федерального закона «Об основах государственной национальной политики РФ» (2003 г. и 2006 г.). В документе 2003 г. более четко, по сравнению с текстом «Концепции национальной политики» 1996 г., выражена мысль о приоритете этнического по отношению к общегражданскому началу и сделан акцент на этнофедералистском принципе организации «государства-нации». В переработанном варианте законопроекта 2006 г. в текст документа вводятся новые понятия:

«общегражданская идентичность», «российская нация». «Российская нация», говорилось в документе, – это «историческая, социально-политическая общность многонационального народа России с общей исторической судьбой, совместной созидательной деятельностью по укреплению единого государства» [8]. Несколько позже сам проект закона стал называться иначе: «Об основах государственной политики в сфере межэтнических отношений». По характеру изменений этого проекта Федерального закона заметно, что в содержании понятия «российской нации» несколько усиливалось гражданское звучание.

Трактовка «многонациональный народ» претерпела ряд изменений и понималась как «общность граждан Российской Федерации различных национальностей, объединенных государственным единством, общими интересами и духовными ценностями и осознающих свою принадлежность к общности российской нации». Факт акцентирования на идее политической нации привел к серьезной критике и негативным оценкам документа, и его рассмотрение было снова отложено.

Дальнейшее развитие объединительной идеи вылилось, по утверждению Г.Зверевой, в «официальное учреждение российской нации», которое состоялось весной 2008 г. через создание Общероссийского союза общественных объединений (ОСОО) «Российская нация». В Совет этого Общероссийского союза, как отмечалось в средствах массовых коммуникаций, вошли «видные государственно-политические и общественные деятели, руководители всех крупнейших федеральных национально-культурных общественных объединений». Цель движения – распространение и упрочение в обществе идеи политической и гражданской нации в России. Согласно мнению участников нового движения, впервые эта идея «была утверждена» высказыванием В. Путина о российской нации, которое содержалось в его выступлении по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений 5 февраля 2004 г. [9].

Обозначенное направление развития «дискурса нациестроительства» становится также очевидным при анализе федеральных программ и формулировок задач государственной политики в культурной и образовательной областях. Так, исследователи отмечают, что в 2000-е гг. федеральный центр не отказывался от политики признания этнокультурных различий, создания гражданам условий для реализации потребностей в этнокультурной сфере, однако обозначился постепенный отход от стратегии спонсирования многообразия [10].

Нынешняя ситуация в области этнокультурной политики несколько поменялась: «спонсирование многообразия» осуществляется через ряд проектов. Один из них – «Комплексная информационная кампания, направленная на укрепление общегражданской идентичности и межэтнической толерантности». Данный медиа-проект осуществляется Министерством регионального развития РФ при содействии «Независимой газеты» и радио «Эхо Москвы». Кампания призвана развивать необходимые современному российскому обществу процессы – «укрепление гражданского единства через осознание общих ценностей, исторической судьбы и принадлежности к своей стране. Но в то же время - развитие традиционно присущего гражданам России уважения и взаимопонимания между всеми народами, живущими в Российской Федерации» [11]. Мероприятия информационной кампании, направленные на укрепление гражданской российской нации опираются на ряд базовых, по мнению авторов проекта, компонентов российского национального самосознания. К ним отнесены в первую очередь культурно-цивилизационные параметры: 1) представление о России как об особой цивилизации, хотя и близкой к западноевропейской, но все же имеющей свои культурные и исторические корни, особые традиции и цивилизационные коды; 2)

осознание «великости» своей страны в плане мощи, значения в истории, по критериям современной цивилизации и в будущем; 3) Россия - страна великой и неповторимой культуры, которая внесла огромный вклад в мировую цивилизацию; 4) Россия - страна многонациональная и многоконфессиональная, имеющая уникальный опыт мирного и гармоничного сосуществования всех народов и конфессий, в своей истории не знавшая этноцида и религиозных войн [12].

По мнению экспертов, кампания призвана культивировать этнокультурное разнообразие и одновременно с этим напоминать о том, что все мы являемся гражданами одной большой страны, а ее суть наиболее ярко выражена в слогане «Народов много – страна одна» [13].

Можно согласиться с Ю.Д. Граниным, предположившим в духе андерсоновской традиции, что изменения в области языка, характера информационных связей и образования так же, как распространение в Европе «печатных языков» в форме светских книг и газет, заложат основу национального сознания, произведя смещение вектора культурной самоидентификации из этнической плоскости в плоскость национальную [14]. С этих позиций показателен проект концепции развития поликультурного образования в Российской Федерации (2010 г.), предлагающий современный уровень понимания проблемы интеграции и формирования российской нации. Согласно документу, этнополитическая модель российской гражданской нации включает три основных уровня:

- базовый этнокультурный, складывающийся как сообщество всех народов, этнических и субэтнических групп, диаспор, этноконфессиональных общин, проживающих в России;

- национально-территориальный (базовый политический), состоящий из населения субъектов Российской Федерации;

- национальный (общегосударственный), объединяющий граждан России в единую национальную общность [15].

Согласно проекту этнокультурное самосознание группы и этнокультурная идентичность индивида должны быть органично встроены в национальное самосознание на базовом политическом уровне субъекта федерации; этнокультурные интересы всех групп и отдельных граждан должны быть обеспечены и защищены на этом национально-территориальном уровне гражданской нации. В свою очередь, национально-территориальное (не всегда совпадающее с этнокультурным) самосознание жителей российских республик, областей, краев закладывает основу и непротиворечиво встраивается в национальную российскую гражданскую идентичность. Таким образом, по выводу авторов проекта, органическим ядром национально-гражданской идентичности призвано стать этнокультурное самосознание. Единая российская гражданская нация так же полиэтнична, как и ее региональные сегменты, складывающиеся в рамках субъектов Российской Федерации, а каждое региональное национальное сообщество включает различные этнокультурные и этноконфессиональные группы. Заметим, что предложенная формула не предполагает конфликта идентичностей указанных уровней, она укладывается в «модель мультинационального государства, где межэтническая интеграция реализуется путем признания этнокультурного плюрализма общества и полиэтнизации государства» [16].

Данные утверждения лежат в обосновании необходимости и возможности использования системы образования в процессе формирования гражданской нации через внедрение основ поликультурного образования. Эксперты отмечают, что гражданских и политических скреп оказывается недостаточно для необходимой большому сообществу социальной солидарности. К ним активно должны присоединиться экономическая и культурная: поступательная динамика национальной

экономики, а также ключевое условие – наличие культурного ядра, неразрушимой основы национального бытия [17]. Примечательно, что европейская идентичность, претерпевающая также активную фазу становления, имела базой, в первую очередь, экономическую интеграцию. Однако один из отцов-основателей Европейского Сообщества признал, что, имея возможность начать процесс интеграции заново, начал бы его с культуры [18].

Отметим, что практики, продуцируемые дискурсом нациестроительства на общегосударственном уровне и нацеленные на поиск объединительной идеи, имеют устойчивый характер. Несомненным успехом в этой сфере стало усиление консолидационных ориентаций, замеряемое в общероссийских социологических исследованиях. Региональные особенности указанных процессов специфичны для разных регионов. Например, исследование Ю.В. Арутюняна показало, что «утверждение макроидентичности «россияне» происходит в наиболее благоприятных частях Российской Федерации», таких как Москва и Краснодарский край, выступающих в качестве модельных регионов с точки зрения формирования основ и испытания на прочность российской гражданской нации. При этом ряд республик Северного Кавказа, таких как Дагестан, Чечня и Ингушетия, с точки зрения ученого, не могут претендовать не только на наличие формирующейся, но даже сколько-нибудь выраженной полиэтничной гражданской общности [19]. Для данных регионов характерно преобладание в коллективном сознании традиционалистских (этнонационалистических), а не модернизационных (интегративных) трендов. Эксперты отмечают, что Северный Кавказ до сих пор по-настоящему не интегрировался в общероссийское социокультурное пространство [20].

Специфика Северного Кавказа с позиций анализируемой проблемы заключается не только в полиэтничности и поликонфессиональности, говорят даже о «предельной выраженности» этнического и конфессионального разнообразия. Базовой системообразующей характеристикой для региона и многих процессов, происходящих в нем, является неравномерность [21]. Она выражается в экономических, политико-идеологических диспропорциях, в сосуществовании глубоко укорененных традиционных институтов и проявлений постиндустриального мира, в несоответствии статуса этнических меньшинств и большинства их реальным социокультурным статусам. Не менее значимыми являются различия в степени консолидационных процессов у населения региона.

Исследователи обнаружили закономерность, согласно которой неравномерность гражданской консолидации населения и уровня социально-политической стабильности по региону зависит от типа идентичности групп, входящих в его социальную структуру. Например, идентичность этнических групп, имеющих длительный опыт совместного существования (русские (казаки) и армяне в Ростовской области, Краснодарском крае, русские (казаки) и адыги в Краснодарском крае, Республике Адыгея), расценивается как конструктивная основа для преобладания консолидационных процессов (и соответственно, формирования российской идентичности) над процессами дифференциации. Противоположно выглядит ситуация с идентичностью этносоциальных групп, взаимодействие между которыми в настоящее время только складывается или восстанавливается (русские (казаки) и турки-месхитинцы в Краснодарском крае, русские (казаки) и чеченцы и даргинцы в Ростовской области, старожильческое население и мигранты) [22]. Подобные выводы ставят под сомнение имеющую широкое распространение точку зрения, что, осуществляя внутриэтническую интеграцию, этническая идентичность оказывает влияние на развитие дезинтеграционных тенденций в обществе в целом и, в частности, в этносфере. Тем более, как отмечает Ю.В. Арутюнян, «при всех неровностях в

обследованных регионах очевидно проявление интегративных этносоциальных ориентаций» [23].

Меры, принимаемые региональными властями в области этнокультурной политики, особенно в сфере формирования национальной идентичности, так же, как и на общероссийском уровне, в большей мере касаются управления культурными процессами. Например, целевым политическим документом, направленным на обеспечение этнокультурных прав народов Ставропольского края, является краевая целевая программа «Развитие этнических и этноконфессиональных отношений в Ставропольском крае на 2007-2009 годы». Особыми задачами реализации программы и соответствующих планов являются:

- формирование общероссийской идентичности, культуры мира и согласия средствами образования;
- развитие культурной интеграции и формирование гражданской солидарности средствами культуры;
- повышение активности и роли средств массовой информации в отражении этносоциальных процессов и этноконфессиональных отношений;
- поддержка национальных общественных объединений в гармонизации межнациональных отношений [24].

Таким образом, учет этнокультурного многообразия как проявления «плюрализации субстанционального» (переходного состояния) [25] при определении солидаризирующей идеи для российского общества является одним из ключевых факторов при реализации политики и практики формирования национальной идентичности. А использование культурных, образовательных, медиа «каналов» для продвижения этой идеи может стать главным механизмом формирования и укрепления национальной российской идентичности.

Примечания:

1. Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // Судьба и грехи России: в 2 т. Т. 2. СПб.; София, 1991. С. 181.
2. Многоуровневая идентичность / З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляушева, А.Ю. Шадже. М.; Майкоп, 2006; Российская идентичность на Северном Кавказе / З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляушева, А.Ю. Шадже. М.; Майкоп, 2010.
3. Рыжова С.В. Этническая и гражданская идентичность в контексте межэтнической толерантности: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. С. 11.
4. Астафьева О.Н. О типологии «постнеклассических практик» в постнеклассической науке // Постнеклассические практики: определение предметных областей. М., 2008. С. 156.
5. Тишков В.А. Как обновить концепцию национальной политики? URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/kak_obnovi.html
6. Зверева Г.И. Как «нас» теперь называть? Формулы коллективной самоидентификации в современной России // Вестник общественного мнения. 2009. № 1. С. 73.
7. Концепция государственной национальной политики РФ: утверждена указом Президента РФ № 909 от 15.06.1996. URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/degree/1996_909.shtml.
8. Зверева Г.И. Указ. соч. С. 73.
9. Там же. С. 80.

10. Макарова Г.И. Многообразие в интеграции: государственная федеральная и региональная этнокультурная политика // Регионоведение. 2009. № 1. URL: <http://regionsar.ru/node/475>
11. Комплексная информационная кампания, направленная на укрепление общегражданской идентичности и межэтнической толерантности. URL: <http://www.minregion.ru>.
12. Там же.
13. Максим Травников, заместитель Министра регионального развития РФ. URL: <http://stranaodna.ru/suzhdeniya/obsuzhdeniya/narodov mnogo strana odna/>.
14. Гранин Ю.Д. Массмедиа в формировании российской нации: неутешительные итоги // Вестник электронных и печатных СМИ. № 12. URL: <http://www.vestnik.ipk.ru/index.php?id=1925>.
15. Проект концепции развития поликультурного образования в Российской Федерации. URL: <http://mon.gov.ru/work/vosp/dok/6988/>.
16. Бекназар-Юзбашев Т.Б. Этничность, коллективная идентичность и положение этноменьшинств в смешанных сообществах // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / под ред. О.Ю. Малиновой, А.Ю. Сунгурова. СПб., 2005. С. 203-214.
17. Семенов И.В. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения // Полис. 2009. № 6. С. 22.
18. Вайнштейн Г.И. Европейская идентичность: желаемое и реальное // Полис. 2009. № 4. С. 129.
19. Арутюнян Ю.В. Россияне: проблема формирования национально-гражданской идентичности в свете данных этносоциологии // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 91-92.
20. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социс. 2010. № 12. С. 19.
21. Хлынина Т.П. Диагностический потенциал современного исторического знания и его возможности в определении уровня фоновой напряженности на Юге России // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов: материалы Всерос. науч. конф., 21-22 сентября 2009 г., Ростов-на-Дону. Ростов н/Д, 2009. С. 343.
22. Хоперская Л.Л. Общегражданская идентичность как фактор обеспечения стабильности на Северном Кавказе // Миграционные процессы на Юге России: реалии, проблемы, перспективы: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2008. Вып. 1. С. 40.
23. Арутюнян Ю.В. Русский этнос: демографические изменения и востребованность межэтнической интеграции // Социс. 2010. № 12. С. 46.
24. Аствацатурова М.А. Ставропольский край: межэтнические отношения в этнополитическом ландшафте // Казанский федералист. 2007. № 3-4. URL: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/2007>.
25. Кизима В.В. Постнеклассические практики: дивергенция и исток // Постнеклассические практики: определение предметных областей. М., 2008. С. 44.

References:

1. Fedotov G.P. Will Russia exist? // Russia's destiny and sins: in 2 v. V. 2. SPb.; Sofia, 1991. P. 181.

2. Multilevel identity / Z.A.Zhade, E.S.Kukva, S.A.Lyausheva, A.Yu.Shadzhe. M.; Maikop, 2006; Russian identity in the North Caucasus / Z.A.Zhade, E.S.Kukva, S.A.Lyausheva, A.Yu.Shadzhe. M.; Maikop, 2010.

3. Ryzhova S.V. Ethnic and civil identity in the context of interethnic tolerance: Dissertation abstract for the Candidate of Sociology degree. M., 2008. P. 11.

4. Astafjeva O.N. On the typology of «post-nonclassical experiences» in post-nonclassical science // Post-nonclassical experiences: definition of subject domains. M., 2008. P. 156.

5. Tishkov V.A. How to update the concept of national policy? URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/kak_obnovi.html

6. Zvereva G.I. How to name «us» now? The formulas of collective self-identification in modern Russia // The bulletin of public opinion. 2009. № 1. P.73.

7. The concept of the state national policy of the Russian Federation: confirmed by the the Russian Federation President's decree № 909 of 6/15/1996. URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/degree/1996_909.shtml.

8. Zvereva G.I. Ibidem. P. 73.

9. Ibidem. P. 80.

10. Makarova G.I. Variety in integration: the state federal and regional ethnocultural policy // Regionology. 2009. № 1. URL: <http://regionsar.ru/node/475>

11. The complex information campaign aimed at the strengthening of the general civil identity and interethnic tolerance. URL: <http://www.minregion.ru>.

12. Ibidem.

13. Maxim Travnikov, the Deputy Minister of the Russian Federation regional development. URL: http://stranaodna.ru/suzhdeniya/obsuzhdeniya/narodov_mnogo_strana_odna/.

14. Granin Yu.D. Mass media in formation of the Russian nation: unfavourable results // The bulletin of electronic and print mass-media. № 12. URL: <http://www.vestnik.ipk.ru/index.php?id=1925>.

15. The project of the concept of polycultural education development in the Russian Federation. URL: <http://mon.gov.ru/work/vosp/dok/6988/>.

16. Beknazar-Yuzbashev T.B. Ethnicity, collective identity and position of ethnonminority in mixed communities // Human rights and identity problems in Russia and in the modern world / Ed. O.Yu.Malinova, A.Yu.Sungurova. SPb., 2005. P. 203-214.

17. Semenenko I.V. The dilemmas of national identity: political risks and social acquisitions // Policy. 2009. № 6. P. 22.

18. Weinstein G.I. The European identity: something desirable and something real // Policy. 2009. № 4. P. 129.

19. Arutyunyan Yu.V. The Russians: a problem of formation of national-civil identity in the light of the ethnosociology data // Social sciences and the present. 2009. № 4. P. 91-92.

20. Avksentjev V.A, Aksyumov B.V. The Portfolio of identities of the Sourthen Russia youth in conditions of civilized choice // Sotsis. 2010. № 12. P. 19.

21. Khlynina T.P. Diagnostic potential of modern historical knowledge and its possibilities in defining the level of background tension in the South of Russia // Problems and prospects of socio-economic and scientific-technological development of southern regions: materials of all-Russian scientific conference, September, 21-22. 2009, Rostov-on-Don, 2009. P. 343.

22. Hoperskaya L.L. Common civil identity as the factor of stabilization in the North Caucasus // Migratory processes in the South of Russia: realities, problems, prospects:

collection of international scientific-practical conference materials. Rostov-on-Don, 2008. Issue 1. P. 40.

23. Arutyunyan Yu.V. Russian ethnos: demographic changes and demand for interethnic integration // Sotsis. 2010. № 12. P. 46.

24. Astvatsaturova M.A. Stavropol Territory: interethnic relations in ethnopolitical environment // Kazan Federalist. 2007. № 3-4. URL: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/2007>.

25. Kizima V.V. Post-nonclassical experience: divergence and the source // Post-nonclassical experience: the definition of subject spheres. M., 2008. P. 44.